

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА ДЛЯ АУТЕНТИЧНОГО ПРОЧТЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія; Соціальні комунікації. Випуск 23.

УДК 821.161:811

Сенько І. Деякі аспекти використання фольклору для автентичного прочитання «Слова о полку Ігоревім»; 20 с.; кількість бібліографічних джерел – 36; мова російська.

Анотація. У статті досліджується використання фольклору для прочитання «темних місць», визначення жанрової специфіки і ритміки «Слова о полку Ігоревім» при перекладах російською, українською та білоруською мовами.

Ключові слова: переклад, жанр, фольклорна символіка, «темні місця» («мысль» чи «мысь», «зегзица», «бѣла») «Слова о полку Ігоревім».

Summary. The article is focused how folklore is used to read the «dark places», the definition of genre specific and rhythmic «Word about Igor's Regiment» during translation in Russian, Ukrainian and Belarusian.

Key words: translation, genre, folk symbols, dark place (*mys', zegzitsa, bila-bela*) the Slovo o polku Igoreve.

Аннотация. В статье исследуется использование фольклора для прочтения «темных мест», определения жанровой специфики и ритмики «Слова о полку Игореве» при переводах на русский, украинский и белорусский языки.

Ключевые слова: перевод, жанр, фольклорная символика, «темные места» («мысль» или «мысь», «зегзица», «бѣла») «Слова о полку Игореве».

Уже первые издатели «Слова о полку Игореве» в 1800 году столкнулись с проблемой прочтения «темных мест» этого рукописного памятника. Кроме сведений палеографического, исторического, языковедческого, литературоведческого характера, для автентичного прочтения «Слова» привлекался и фольклор – чтобы определить жанровое своеобразие, ритмику памятника, расшифровать непонятные и трудные для прочтения места в нем.

Еще до опубликования рукописный текст «Слова о полку Игореве» воспринимался двойственно – в контексте и фольклорной, и литературной традиций. Русский поэт Михаил Херасков во второй редакции поэмы «Владимир» в 1797 году сравнивал Бояна с легендарным воином и бардом кельтов Оссианом, а неизвестного автора произведения о походе князя Игоря против половцев – с Гомером:

*О древних лет певец, полночный Оссиян!
Тебя нам возвестил незнаемый Писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель;
Так Игоревы песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам.
В них слышны, кажется мне, песни*

соловьины,

Отважный львиный ход, парения орлины
[цит.: 16, с.155].

В примечание к этим стихам М.Херасков объяснил: «Недавно отыскана рукопись под названием «Песнь о полку Игореве», неизвестным писателем сочиненная, — кажется, за многие до нас века, в ней упоминается Боян, российский песнопевец» [цит.: 16, с.155].

В том же 1797 году русский историк Михаил Карамзин в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» сообщил о том, что «два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием «Песнь Игоревых воинов», которую можно сравнить с лучшими Оссиановыми поэмами» [цит.: 16, с.156].

И первые публикаторы памятника (А. И. Мусин-Пушкин и его консультанты Н. Н. Бантыш-Каменский, А.Ф.Малиновский и Н. М. Карамзин) воспринимали его то фольклорной песней, то литературной поэмой. В предисловии к «Песне о походе Игоря, сына Святослава, внука Ольгова» А. И. Мусин-Пушкин так определил значение памятника: «Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов; следовательно, и наши древние герои имели своих бардов, воспевавших им хвалу. Жаль только, что имя сочинителя неизвестным осталось. Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцом витийства; благоразумный читатель сам отличит оныя от некоторых мелочных подробностей, в тогдашнем веке терпимых, и от вкравшихся при переписке непонятностей» [6, с.44/VI]. И далее: «Но как при всем том остались еще некоторые места невразумительными, то и просит всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древнего отрывка Российской словесности» [6, с. 46/VIII].

И «Московские ведомости», сообщая о первом издании «Ироической песни о походе на половцев», называют ее поэмой в духе Оссиана: «В поэме сей описан неудачный поход князя Игоря Святославича против половцев в 1185 году, и... любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства» [цит.: 16, с.152].

В определении жанра памятника – слово (как вид ораторского искусства, аналогично «Слову о Законе и Благодати» Илариона), повесть (ведь в тексте произведения упоминаются «трудные повести»), возможно, воинские повести о походе Игоря Святославича на половцев, о битве на реке Калке), песня (неизвестный автор размышляет, как начать

«эту песню»: по былинам того времени, а не по вымыслам Бояновым), поэма (в жанровой системе 18-19 веков) – исследователи использовали культурологический контекст древней Руси. Дав переводу первого издания «Слова» название «Песнь о походе Игоря», публикаторы в примечании к имени древнего певца Бояна сослались на древнерусскую традицию «воспевать всегда важные происшествия» [6, с.2/48] и привели отрывок из былины: «От времен же его дошла до нас между прочими следующая народная песня:

*Во славном городе Киеве,
У Князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пирование почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояр,
Про сильных могучих богатырей»*

[6, с. 2/48].

Русский филолог и этнограф Е.В.Барсов, автор трехтомного исследования «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887-1889), сопоставив произведение со «словами богатырскими», назвал его «песней, подобной Бояновой» [см.: 5, с. 22]. И русский языковед Алексей Шахматов считал «Слово» книжной обработкой былины, при этом он сетовал, что первоисточник был «испорчен при переписке» [см.: 5, с.231]. Такую же точку зрения на жанровую природу и фольклоризм древнерусского памятника отстаивал А.И.Никифоров в диссертационной работе «Слово о полку Игореве» – былина XII века» (1941). Следуя этому утверждению, он переложил «Слово» безрифменными дактилическими стихами: «Не плохо нам было бы, братие, / начать старинной манерою / повесть эту трудную / про поход князя Игоря, / Игоря Святославича» [цит.: 5, с.162].

Украинские исследователи, настаивающие на фольклорной основе «Слова», искали его связь с украинскими думами. Первым в их ряду следует назвать М.А.Максимовича. Он опубликовал два переложения памятника – и на русский, и на украинский языки: «Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная в конце XII века на древнем русском языке. Издана с переводом на нынешний русский язык профессором русской словесности Мих. Максимовичем для своих слушателей (Киев: Унив. тип., 1837. 50 с.) и «Песнь о полку Игореве, переведенная на украинское наречие М. Максимовичем» (Киев: Унив. тип., 1857. 47 с.). При переводе на украинский язык он широко использовал особенности украинских народных песен (и ритмику, и рифмы), стремясь приблизить «Слово» к современному читателю:

*Чи не добре б було, браття,
Нам про Ігоря війну
Заспівать жалібну пісню,
Як співали встарину!*

[30, с.271].

В лекции для студентов М.А.Максимович утверждал, что «подобно певцу Игоря и теперь поёт про поле битвы Южная Русь», что «плач Ярославны есть тема, которая разнообразно распевается в

дышащих любовью женских песнях Украины», что красоты «Слова» можно уразуметь, только обратив внимание на все, что есть в нем общего «с поэзией украинской и великорусской» [см.: 13, с. 516, 525, 532]. При этом в «Слова» он увидел стиль и ритмику не былин, а украинских дум: «Стихи не столь определенного склада и однообразного размера, как народные великорусские, но столь же разнообразны и вольные, как стихи украинские, особенно в думах» [13, с.562]. В рецензии «Замечания на Песнь о полку Игореве в стихотворном переводе Гербея» удачу переводчика М.А.Максимович увидел там, где тот, следуя мнению украинского ученого «о ближайшем сродстве Песни Игорю с украинскими думами», разбил текст «на стихи неровной величины» [12, с.566-567], в то же время автор рецензии упрекнул Л.А.Мея, что его перевод «Слова» в стиле русских былин «тем неудовлетворителен, что в нем древняя пѣснь русского юга иногда перестроена на тон и склад северно-русских стихов про веселых молодец новгородских» [12, с.565].

Такой же взгляд на поэтическую форму древнерусского памятника отстаивал и украинский филолог П. Г. Житецкий (1836–1911). В прочитанной в Петербургском университете лекции «О поэтическом стиле и литературной форме «Слова о полку Игореве», процитировав отрывок о Бояне, он утверждал: «Мы имеем в приведенных стихах *Слова о полку Игореве* архаический первообраз малорусской думы» [10, с.278].

Рекомендации М. А. Максимовича и П. Г. Житецкого о стихотворном переложении «Слова» на украинский язык в стиле народных дум реализовал Панас Мирный в 1883 году, его перевод под названием «Дума про військо Игореве» опубликован во львовском журнале «Зоря» в 1896 (№№ 3, 4, 6, 7). Это переложение ритмикой, образностью, лексикой и фразеологией во многом напоминает украинские думы XVI-XVII веков:

*Ой чи не краще почати нам, милес браття,
Співати за Ігоря хоробре завзяття?*

*За Ігоря Святославенка почати —
Старими піснями співати?*

Ні! почнемо, браття.

Ту пісню завзяття,

Як тепереньки кобзарі співають, —

Не гонячись за старим Бояном! [14, с.120].

А русский поэт Л.А.Мей, рассматривая «Слово» в контексте русской культуры, в журнале «Москвитянин» (1850, № 22, ч. 6, отд. 1, с. 97-126) опубликовал переложение памятника в стиле былинного эпоса. Его переложение начинается словами:

*Аль зтягивать, ребяята, на старинный лад
Песню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святославича?*

А и песню нам зтягивать

Про недавнюю былинушку

Не по замыслу Боянову! [цит.: 5, с.153].

В предисловии к этой публикации поэт-переводчик объяснил, что он попытался памятник втиснуть «в народный сказочный (т.е. былинный. –

И.С.) размер» [цит.: 9, с.56].

В стиле русских былин переложение «Слова» на русский язык в 1930 году сделал и К. Д. Бальмонт [см.: 30, с.115-125, 484]. Он весь текст памятника разложил на нерифмующиеся строки (по образцу гекзаметров) с ударением на предпоследнем слоге:

*Нам начать не благо ль, братья, песню
старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он, славный
Игорь Святославич?
По былинам лет тех бывших,
не по замыслу Бояна,
Эту песнь зачем мы, братья*

[см.: 30, с.115].

Рассматривалось «Слово о полку Игореве» и в контексте белорусского фольклора – В. Ф. Мочульским в двух статьях под названием «Слово о полку Игореве» и белорусское устно-поэтическое творчество» в «Вестике МГУ. Серия 7: Филология, журналистика» (Москва, 1962, № 2, с. 17-33; 1965, № 1, с. 74-84). А до него поэт Максим Богданович, переложив в 1910 году отрывок из «Слова» (о князе Изяславе Полоцком), утверждал, что песня эта написана «у даўнейшай заходнерускай мове, з якой пайшла наша беларуская мова» [цит.: 5, с.34].

Ориентация при определении жанра и ритмики «Слова», особенно для поиска региона, где мог жить автор этого замечательного памятника древней Руси, породила много домыслов, натяжек. Профессор украинского языка Львовской учительской семинарии Емельян Партицкий в 1884 году опубликовал свой перевод «Слова» с объяснением «старорусских правил акцентных и ритмических», считая, что автором памятника был выходец из карпатских лемков (знал о Пльсьниско), что в его поэтическом произведении были изначально песенные ритмика и рифмы. Объясняя фразу о воинах князей Романа и Мстислава («суть бо у ваю желѣзныи папорзи под шеломы»), Партицкий использовал былички жителей Карпат о цветке папоротника и кладоискателях, которые, увидев этот цветок, должны накрыть его шапкой. На этой основе он утверждал, что воины под шлемами (аналогами шапок) носили талисманы-папоротники: «У князів і у войска місце шапки займає шелом, а папороть в часі воєн, одвітно до узброєня, чей не може бути іншою, як з желіза» [17, с. 13-14].

А поэт Степан Пушик, защитивший кандидатскую диссертацию «Слово о полку Игореве» и славянская мифология» [см.:22], подтверждение «галицкому следу» в памятнике разыскивает в истории Галича и фольклоре украинского населения Карпат: автором памятника он называет галичанина князя-изгоя Владимира Ярославича, брата (по отцу) Ефросинии Ярославны; фразу «галици (т.е. галки. – И.С.) стады бѣжать къ Дону» он, ссылаясь на народную традицию гуцулов называть галицами драконов и змей, перевел так: «гадів стада біжать» [21, с.167]; даже половецкого хана Шарука отождествляет с мифологическим персонажем закарпатских сказок, в которых дракона называют

шарканью [21, с.172-173]; и слово «смага» (огонь) он воспринимает как огненное дыхание языческого божества Смаги, упомянутое в одной из гуцульских коломыек:

*Ой, гуцуле-гуцулочку, Смага бы тя втєла,
Нащо-с тоту козу продав, що перед водила*
[22, с.22].

Но когда фольклор используется в сочетании с данными палеографии, летописания, истории, литературоведения, диалектологии, музыковедения, то это повышает шансы аутентично прочесть темные места «Слова». Известно, что историк-археолог и языковед Константин Калайдович в ноябре 1814 года в дневниковой записи сетовал, что некоторые названия и слова памятника не поддаются прочтению: «Получил ноября 5 от преосв. Евгения письмо. Он не может объяснить положения Пльсьнска, Дебри Кисановой и Дудуток, равно как и слов: зегзица, стрикусы и проч.» [цит.: 20, с.300]. С тех пор многие непонятные фразы памятника довольно убедительно прокомментированы.

Уже А.С.Пушкин, знакомясь с первым переводом «Слова» на русский язык, подчеркивал, что он «вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны», что «прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными», что для верного прочтения затемненных временем слов и понятий плодотворны поиски в старых летописях или «в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления», а это предполагает «знание всех наречий славянских» [23, с. 372-373].

И русский критик В.Г.Белинский в связи с критическим разбором сборника И.П.Сахарова «Сказания русского народа» (1841), в котором был перепечатан и прокомментирован Сахаровым текст первого издания «Слова», назвал памятник поэмой и подчеркнул, что она «носит на себе отпечаток поэтического и человеческого духа Южной Руси, еще не знавшей варварского ярма татарщины, чуждой грубости и дикости Северной Руси» [2, с.165], но при этом призвал воспринимать ее как «прекрасный благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения» [2, с.166].

Иван Франко видел в «Слове» не только фольклорные, но и литературные традиции. В «Истории украинской литературы» (1909) он писал, что и мелодия, и ритмика памятника создавались по образцу «церковного пения» («були взоровані на церковних канонах»), а стихотворное построение его синтаксически соответствует украинским песням и русским былинам («віршова будова згоджується з синтаксичною так, як у наших народних піснях та в великоруських билинах») [35, с.197].

Так же – в контексте родства культур украинского и русского народов – воспринимал поэтический памятник времен Киевской Руси и русский поэт Николай Заболоцкий, издавший в 1946 году свой перевод «Слова о полку Игореве» на русский

язык. Изучив ритмическую структуру памятника, он пришел к выводам, что неизвестный автор этого произведения – современник князя Игоря, что сочинено оно, «вероятно, в Малороссии», что автор «Слова» не импровизировал, как его предшественник певец и гуслир Боян, но сочинил и написал это произведение, поэтому оно по своему характеру является фактом литературной деятельности, по языку имеет сходные черты не только с народным творчеством (имеет ряд признаков общих с былинами), но и с языком библейских книг, летописей и грамот [см.: 11].

Поэт Максим Рыльский, автор стихотворного переложения на украинский язык «Слова» (в 1939 году), в статье «Украинские думы и исторические песни» объяснил, почему каждый из представителей трех национальных культур в этом памятнике легко обнаружит что-то свое: «Имея общие корни в культуре Киевской Руси — колыбели трех восточных славянских народов, — русское, украинское и белорусское народное творчество, естественно, сохраняет и ряд общих черт, — некоторые из них берут свое начало в величественном памятнике древней культуры — «Слове о полку Игореве» и в той словесно-песенной традиции, которая, бесспорно, существовала в Киевской Руси и отразилась, прежде всего, на русских былинах» [цит.: 5, с.191].

На каждую попытку использования фольклора (русских былин или украинских дум) как доказательства о правах «национальной собственности» на «Слово» стремящиеся к объективности исследователи всегда находили аргументированные доказательства об уязвимости такой концепции. По этой причине, проанализировав взгляды Филарета Колессы, который в статьях «Українські народні думи у відношенню до пісень, віршів і похоронних голосін» (Зап. Наук. тов-ва ім. Т. Г. Шевченка, 1922, т. 132, с. 30-34) и «Речитативні форми в українській народній поезії» утверждал, что в «Слове» «напрасно искать тонические стопы и былинный стих», ибо главную роль в ритмике (речитатив) и поэтике памятника сыграли украинские похоронные причитания и народные думы, М. Г. Булахов в кратком энциклопедическом словаре «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке» (Минск, 1989) посчитал нужным не согласиться с таким мнением известного украинского фольклориста и музыковеда: «Высказанная Колессой точка зрения нуждается в оговорках. Во-первых, сам он признает, что «взагалі, ці дуже поширені форми поетичного стилю подібуються в поезії різних віків і народів»; во-вторых, вряд ли правомерно говорить, что в конце XII в., когда создавалось «Слово», когда восточные славяне еще не дифференцировались как три народности, автор «Слова» указанные поэтические приемы и образы «почерпнув із української народної поезії». Ведь автор «Слова» везде оперирует понятием «Русская земля», которое в ту эпоху применялось ко всем княжествам Киевской Руси. Что касается источников поэтического стиля автора «Слова», то здесь надо исходить из многообразия жанров как устной поэзии восточных славян

в целом, так и из наличия в Киевскую эпоху книжно-литературных произведений, хорошо отражающих достижения мирового словесного искусства» [5, с.127].

Зримые достижения имеем только тогда, когда для прочтения неоднозначно толкуемых исследователями выражений памятника, т.н. «темных мест», используется русское, украинское и белорусское устное народное творчество. Читая «Слово», А.С.Пушкин предложил несколько уточнений для аутентичного восприятия памятника: о частице *ли* («не льпо ли ны бяшетъ, братіе»), которая, как свидетельствуют примеры из песенного творчества, «не всегда дает смысл вопросительный»; о том, что в фразе «Боян... растекашется мыслию по древу», если следовать «троичности фольклорного параллелизма, пропущено слово *славѣм*, которое довершает уподобление» [см.: 23, с.373-375]. И русскоязычный казахский поэт Олжас Сулейменов в эссе «Аз и Я» (1975), ссылаясь на поэтику былинного эпоса, возразил А.Югову, когда тот слова «галици», «галичь» в фразах «галици стады бѣжать к Дону великому» и «заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотъ славии успе, говоръ галичь убуди» [см.:28, с.53-59] перевел словом «галичане» («галицкое войско несется к Дону великому», «говор галичан умолк»), ибо, по словам О.Сулейменова, «закон былинного параллелизма: рядом со светом – мгла, рядом с птицей – птица (сокол – галка, соловей – галка)» [33, с.394].

Фольклор для прочтения темных мест «Слова» использовали и другие исследователи и переводчики. Степан Руданский в 1860 году переложил «Слово о полку Игореве» на украинский язык коломыечным размером (перевод опубликован под названием «Ігор Сіверський» в журнале «Зоря» в 1896 году в №№ 15-18); используя сказочные образы, смысл фразы: «... то была бы чага по ногатѣ, а кощеи – по резанѣ» объяснил так: «Тут треба читати не «чага», а яга, бо в самих казках до діда Кошція рівняється баба Яга»; переводчицам Минаеву и Гербелю, которые воспринимали Дива лесным чертом или совой, возразил довольно убедительно, что его следует оставить без перевода, ибо «сее слово іще досі не замерло в піснях Полудневої Русі:

Перейду я поле, стану на межі,

Аж мос диво п'яне лежить.

Ой стану я гадати,

Як би те диво назвати» [24, с.621].

Детальнее рассмотрим, как использовался фольклор для прочтения трех фраз из памятника: о Бояне, который «растѣкашется мыслию по древу»; о Ярославне, которая «зегзицею, незнаема, рано кычетъ», о поганных, которые «емляху дань по бѣлѣ от двора».

Первые издатели «Слова» не сомневались, что Боян-певец «растекался мыслью по деревьям», ведь и князь Игорь «мыслию поля мерил от великого Дона до малого Донца» [см.: 6, с.3/49, 40/86]. Но В.А.Жуковский в конце 1810-х годов при переводе текста древнего памятника увидел еще одну характеристику Бояна: скакал соловьем «по мыслену

дереву» [6, с.6/52] – и фразу о поэтическом мастерстве древнего певца перевел так:

*Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по дереву,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками*

[30, с.73].

Это был первый шаг к восприятию слова «древо» памятника как Мысленное Дерево – Древо Жизни славянской мифологии, о котором позже в исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869) писал А.Н.Афанасьев [см.: 1, с.214-227], которое является общеизвестным символом славянских верований и устного народного творчества [см.: 4, с.188-197]. Александр Афанасьев нашел в апокрифической рукописи XVI века описание этого Мирового древа: «А посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верх того древа до небес. Древо то златовидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех дерев и плоды тоже; исходит от него сладкое благоуханье, а от корня его текут млеком и медом 12 источников» [1, с.214]. Воспето это дерево и в украинских колядках [см.: 34, с.124].

Но когда в 1833 году появилась в переводе Александра Вельмана «Пѣснь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского», историк и писатель Николай Полевой, прочитав там: «Былое воспеть, а не вымысл Бояна, которого мысли текли в вышину так, как соки по дереву; / Как серые волки неслись по пространству, и сизым орлом в поднебесьи парили» [цит.: 6, с.53], – засомневался в качестве такого перевода и в рецензии, напечатанной в «Московском телеграфе» (1833, № 7, с. 438), предположил: «Думаю, что здесь разумеется отнюдь не мысль, а что-нибудь другое ... не зверок ли, не птичка ли какая, ибо тут видимая постепенность сравнений — облака, земля, дерево — орел, волк — мысль?» [цит.: 26, вып. 3, с.125].

И в «Отечественных записках» (т. 93, 1854, № 3, с. 9) в рецензии на перевод Николая Гербеля слово «мысль» предлагалось заменить «зверьком»: «Покойный Полевой, а вслед за ним и незабвенный Пушкин думали, что слово *мысль* здесь описка, что по аналогии с серым волком и сизым орлом тут должен быть какой-нибудь зверок, *мышь* например. Мы случайно узнали, что есть такой зверок, который именно бегаёт по деревьям — не мышь, а *мысь*. В Псковской губернии Опочецком уезде *мысью* называют *белку*, или *векшу*» [цит.: 26, вып. 3, с.125]. И Аполлон Майков перевел эту фразу: «Песнь слагая, он, бывало, вещий, / быстрой векшей по лесу носился, / серым волком в чистом поле рыскал, / что орел ширял под облаками» [30, с.98].

Такой параллелизм – в стиле русского и украинского песенного творчества. Михаил Максимович в лекции о «Слове» процитировал отрывок из украинской песни, в которой сестра зовет в гости брата:

*Через темний лис – ясним соколом лети,
Через быстрых воды – бглым лебедем пльви,*

*Через степы далекіи – перепелочом бгжи.
На моем, брате, подворьи –
ты голубоньком пади!* [13, с.541].

Такой же параллелизм он нашел и в русской былине об Иване Годиновиче:

*Чистые поля туром перескакал,
Темные леса сободем пробежал,
Быстрые реки соколом перелетал*

[13, с.542].

Но переводчики «Слова» на украинский язык в большинстве случаев ориентировались на «мысль», а не на «мысь» [см.: 26, вып. 3, с.123-127]: в интерпретации М.Максимовича Боян – «зараз думкою по дереву починає він літати» [27, с.137], у С.Руданского – «то мислю по дереві так і розтечється» [27, с.165], у І.Франка – «думков розпускався по деревах» [27, с.220], у Панаса Мирного – розпускав «думки по дереву літати» [27, с.266], у М.Чернявського – «мислі дровом розпускає» [27, с.293], у К.Зиньківського – «розкидував думки по дереву» [27, с.318] у М.Рильського – «розтікався мислю по дереву» [27, с.381] и т.д.

Правда, некоторые переводчики учли фольклорный принцип троичности: у В.Кендзерского – «векшено розганявся по дереву» [27, с.241], у В.Свидзинского – «розтікався білкою по дереву» [27, с.401], у А.Коваленко – «по деревах шуга білкою в гіллі» [27, с.452], у В.Шевчука – «білкою носився по деревах» [32, с.204], у И.Свитличного – «розлітався білкою по дереві» [25, с.159]... В.Щурат перевел эту фразу, используя символ соловья: «Боян знав на пісні чари. / Прийде гадка, а він гадку / орлом пустить аж під хмари. / Прийде друга, а він другу / пустить вовком по долині. / Гадка третя скаче в нього / Соловейком по калині [27, с.334].

В традициях переложения «Слова» на русский язык резвая белка встречается довольно часто: у К.Бальмонта – «белкой он течет по дереву» [30, с.98], у И.Шкляревского – «растекался белкой по дереву» [30, с.254]. Но в переводах доминирует все же образ Древа, корни которого в земле, а крона достигает поднебесья. Боян, мысленно охватывая землю (серым волком) и небо (орлом сизым), «растекался по дереву мыслью» у С.Шервинского [30, с.126], В.Стеллецкого [30, с.150], Н.Заболоцкого [30, с.166], А.Степанова [30, с.187], А.Чернова [30, с.229] и др. И в переводе на белорусский язык «Слова о полку Игореве» Янка Купала воспользовался этим же образным рядом:

*... Баян чарадзеіны, як песняй
Захацеў каму пеці пачэсне,
Расцякаўся ён мысляй па дрэву,
Шэрым воўкам па полі пасеву,
Сізакрылым арлом над аблокі, –
Так захопліваў свет ён далёкі!* [30, с.316].

Когда переводчики ориентируются на литературную традицию, то используют как символ мысленное обозрение Древа Жизни, а когда памятник воспринимается как песня, то образный ряд выстраивают в классической триаде: белка – волк – орел.

По-разному воспринимается переводчиками и птица зегзица, с которой сравнивается Ярос-

лавна. Первые издатели «Слова» отождествили ее с горлицей: «Ярославнин голос слышится; она, как оставленная горлица, по утрам воркует: «полечу я, говорит, горлицею по Дунаю...» [2, с.37/83-38/84]. У В.Жуковского Ярославна из Путивля на реку Каялу собирается полететь чечеткою [30, с.84], у М.Деларю – кукушкой [30, с.95], у А.Майкова – ласточкой [30, с.110], у Н.Гербеля – горлицей-голубкою: «Звучный голос раздается / Ярославны молодой, / стоном горлицы несется / он перед утренней зарей: / Я быстрее лесной голубки / по Дунаю полечу...» [цит.: 5, с.66]. Некоторые переводчики оставили слово без перевода: «... Это голос Ярославны / долетает до Дуная, / словно птица-зегзица / кличет, стена» [перевод Андрея Чернова; 30, с.248]; «На Дунае Ярославнин голос слышен... / Зегзицею незнамой на зорях кычет. / «Полечу, – рыдает, – я зегзицею по Дунаю» [перевод А.Югова; 29, с.226]; «Зегзицею незнамой кукует рано: / «Полечу далеко по Дунаю, / долечу до реки до Каялы...» [перевод И.Шкляревского; 30, с.267].

Переводчики на украинский язык в большинстве случаев зегзицу воспринимали кукушкой: «Чутно голос Ярославни. / Як зозулька на зорі, / заридала, загукала / у Путивлі на стіні: / «Я зозулькою далеко / по Дунаю полечу...» [переложение М.Максимовича; 30, с.290]; «... зозулею, одинока, / рано кує: / «Полечу я зозулею / по Дунаї...» [переложение С.Пушика; 21, с.161]. Отождествляется зегзица и с речной чайкой: «Як та чайка-жалібница, / стогне вона вранці-рано. / «Полечу, – каже, – зозулею по Дунаю...» [перевод М.Рыльского; 27, с.396]; «Над Дунаєм вранці-рано / чути голос Ярославни. / Проквиляє вона чайкою сивою: / «Полечу я по Дунаєві синьому...» [переложение И.Свитличного; 25, с.173]. Прекрасный вариант переложения – и сохранить слово оригинала, и объяснить его с помощью соответствующего символа – предложил Т.Г.Шевченко:

*В Путивлі граді вранці-рано
Співає, плаче Ярославна,
Як та зозуленька кує,
Словами жалю додає.
– Полечу, каже, зигзицею,
Тією чайкою-вдовицею...*

[36, с.387].

Принципы этого переложения легко обнаружить в переводе памятника на украинский язык В. Шевчуком: «Голосить Ярославна на зорі, / кигичучи, мов чайка, промовляє: / «Зигзицею до Дону полечу» [32, с.213].

При поисках в русском, украинском и белорусском языках тождественных древнерусской зегзице слов исследователи-комментаторы прежде всего обращали внимание на использование их как символов. Словосочетание «зегзицею кычет» языковед А.Потебня в книге «Слово о полку Игореве»: текст и примечания» (Воронеж, 1878) объяснил с учетом поэтики народных песен: «Кычет» параллельно с «плачет» – черта песенная. Количество песен русских по всем говорам, других славянских и литовских, в коих встречается этот параллелизм

между кукованьем (кыканьем) кукушки и плачем женщины так велико, что ссылки излишни» [19, с.138]. И Михаил Максимович, отождествляя зегзицу с кукушкой, цитирует для подтверждения и русскую песню о трех кукушках, оплакивающих покойника: жена – в ногах, сестра – в головах, а мать – у сердца [13, с.550], и украинскую песню, в которой кукушка воспринимается как символ печали:

*Де ся взяла сива зозуленька,
В головках сьдала, жэлобно кувала
Як сестра брата або мати сина оплакала*
[13, с.550].

Янка Купала при переложении «Слова о полку Игореве» на белорусский язык лексему «зегзица» также отождествил с кукушкой: «А ў Пуціўлі Ярослаўна / безуцешнаю зязюляй / наракае раным-рано» [30, с.334].

И украинский фольклорист Алексей Дей для подтверждения мысли, что зегзица (укр. зозуля) несет в себе фольклорное начало, отзвук язычнических анимистических верований, символизирует скорбь по убитому казаку, сослался на содержание украинской и белорусской баллады «Ой летіла стріла з-за синього моря», украинских дум «Смерть козака на Кодині-долині» и «Втеча трьох братів із Азова, з турецької неволі», цитирует отрывок песни «Ой мала вдова-сина-сокола» из сборника М.Максимовича «Малороссийские песни» (М., 1827):

*Чи не той твій син, що сім полків вбив.
За восьмим полком голову схилив.
Зозуля літала над ним, куючи,
А коники ржали, його везучи* [8, с.20-21].

И другие слова (голубка, горлица, ласточка, чайка), приведенные в переложениях плача Ярославны на современный русский и современный украинский языки как аналоги к слову «зегзица», также являются красноречивыми символами или нежной супруги, или горящей женщины, у которой отняли близких ей людей (детей, брата, мужа) [4, с.107-110; 18, с.78-79].

Использовался фольклор и для постижения смысла слова «бѣла» (в фразе: «поганіи... емляху дань по бѣлѣ оть двора»). В первом переводе этой фразы: «брали дань по белке со двора» [6, с.21/67], имеется в виду дань шкурками белок, которые могли служить меновой ценностью [см.: 26, т.1, с.47; т.6, с.203]. В таком же значении в переводе А.Югова назван горностай [29, с.213]. А в интерпретации Владимира Стеллецкого поганые дань собирали «по векше от двора» [30, с.156] – так на Руси называли и белку, и мелкую серебряную монету. У Игоря Шкляревского поганые уже «по белой монете дань берут от двора» [30, с.261].

В переложениях «Слова» на украинский язык последствия поражения Игоря изображаются намного трагичнее. В переведенном М.Максимовичем тексте враги «по білій з двору дані забирали» [27, с.148]; и у Ю.Федьковича «поганці... беруть собі в дань по білі від кожної хаги» [27, с.204]; и у М.Рыльского «невіріні... по білиці з двору данини брали» [27, с.389]. Что это за дань, объяснил Михаил Грушевский: «По бѣлѣ» при тім,

може, має значення метафоричне – «по невільниці» (як турки потім «білу челядь забирали» в невільницьких піснях)» [7, с.176]. Сославшись на песню «Коли турки воювали – білу челядь забирали», Леонид Махновець висказує догадку, що «автор под словом «бѣль» подразумевае «бѣлицю» — так на Русі називали жінчину, дівушку и замужнюю» [31, с.209]. Он так и перевел это место памятника: «Хапали дань – по бранці від двора» [31, с.37]. Правда, при издании перевода в 1967 году эта фраза звучит не столь однозначно: «брали данину по білці з двора» [27, с.111], — ведь слово «білка» в украинском языке обозначает и «белку», и дівушку, как в записанной нами на закарпатской Межгорщині коломыйке:

Ой біла білявино, а ти біла білко,

Не мож ты ся налюбити, аж би любив кільки.

Но такая безропотная дань половцам девицами – явное преувеличение. Степан Пушик перевел фразу в контексте реалий: «дань по гривні від двора» [21, с.155]. В комментариях он объяснил, что дань «по бѣль» – денежная, серебром, в гривнах. При этом он сослался на песенное творчество украинцев Карпат: «В народных піснях згадуються золоті гроші – «червоні» та срібні – «білі сороківці» [21, с.173]. Но бѣла (векша, веверица) — это не гривна, а самая мелкая денежная единица на Руси 9-13 веков: в словарях по нумизматике легко найти информацию, что в XI веке одна гривна кун = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 600 векшам (серебряным бѣлам, веверицам). Чтобы подчеркнуть, насколько тяжелой была дань, автор «Слова» не преминул бы упомянуть более крупную денежную единицу, нежели бѣла.

Ближе к достоверности перевод М. Чернявского: «Невірні без відпору / йдуть на Русь чинші збирати, / по куниці з двору брати» [27, с.302]. Ведь слово «куница» воспринимается и денежной единицей – куной, а в контексте украинских свадебных обрядов, в которых дівушку называют куницею, может восприниматься метафорически – как напоминание об угнанных в полон жінчинах.

Есть еще одно прочтение слова «бѣла», на наш взгляд, более реальное – дань свитками льняных холстов. Так взглянуть на это архаическое слово предложил украинский фольклорист Алексей Дей [8, с. 22-23] после того, как нашел его в обрядо-

вой украинской песне в той же форме, что и в «Слова о полку Игореве»:

Мала нічка петрівочка –

Не виспалася наша дівочка.

По горі ходила, тонку биль білила,

Із тією біллю говорила:

– Ой беле ж моя та тоненькая!

За кого пойду я, молоденькая.

... Ой як піду та за милого,

То я тебе, беле, у білі потчу,

То я тебе, беле, у свято зношу

[8, с.22-23].

Это не единственное песенное упоминание о выбеливании домотканых холстов. Н.В.Гоголь записал украинскую песню «Ой горе, горе, сухой дуб...», в которой дівушка Катерина «биль білила», приговаривая: «Ой беле ж моя тонка, не біла... / Я ж тебе, беле, у свято ізношу, / я тебе, беле, шанувати му...» [15, с.17]. Василий Белов в книге очерков о народной эстетике «Лад» (1982), рассказав о том, сколько труда нужно, чтобы из льняного волокна получился холст, восторгается умением мастериц выбеливать ткань: «Выбеленный холст был едва различим, если его расстелить на снегу» [3, с.72].

Если была такая дань «белю» (выбеленным холстом), то она была очень обременительной для побежденных и вполне приемлемой для кочевников, не занимающихся выращиванием льна и изготовлением полотна, но нуждающихся в тонком белье. Возможно, упомянутая в «Повести временных лет» под 859 годом дань хазарам («а Козаре... имаху по бѣль и вѣверици тако оть дыма») не дань белками (откуда их столько набрать в степной части Руси?) и не серебряными монетами-белами – эквивалентом стоимости беличьей шкурки («вѣверици») и, естественно, не полонянками («по бѣль»), а, и это вполне реально, дань льняным полотном («по бѣль»). Дальнейшие поиски в этом направлении могут прояснить, какую дань половцам платили русичи реально.

Ведь возможности фольклора, если его использовать для аутентичного прочтения первоначального текста «Слова о полку Игореве» с учетом достижений палиографов, языковедов, историков, этнографов и представителей других наук, далеко не исчерпаны.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни: избранные статьи / А.Н.Афанасьев. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
2. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. / В.Г.Белинский. – М.: Худож. лит., 1979. – Т.4. – С.125-275.
3. Белов В. Лад: очерки о народной эстетике / Василий Белов. – М.: Молод. гвардия, 1982. – 293 с.
4. Берегова О. Символы славян / Ольга Берегова. – М. – СПб: ДИЛЯ, 2007. – 425 с.
5. Булахов М.Г. «Слова о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: краткий энциклопедический словарь / М.Г.Булахов; под ред. Л.А.Дмитриева. – Минск: Университетское, 1989. – 247 с.
6. Видання «Слова» 1800 р. // «Слова о плъку Игоревѣ» та його поетичні переклади і переспіви / Видання підготував Леонід Махновець. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 36-93.
7. Грушевський М. Історія української літератури: в 6 т. / М. Грушевський – К.: Либідь, 1993. – Т.2. – 263 с.
8. Дей О.І. До джерел вивчення «Слова о полку Игоревім» / О.І.Дей // Народна творчість та етнографія. – 1985. – № 6. – С.18–28.
9. Дмитриев Л.А. Литературная судьба «Слова о полку Игореве» / Л.А.Дмитриев // Слова о полку

- Игореве: сборник / Сост. Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, О.В.Творогов. – Л.: Сов. писатель, 1985. – С.49-72.
10. Житецкий П.Г. О поэтическом стиле и литературной форме «Слова о полку Игореве» // Житецкий П.Г. Выбранные работы: филология / П.Г.Житецкий. – К.: Наукова думка, 1987. – С.255-285.
 11. Заболоцкий Н.А. К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» / Н.А.Заболоцкий // Вопросы литературы. – 1969. – № 1. – С. 176-188.
 12. Максимович М.А. Замечания на Песнь о полку Игореве в стихотворном переводе Гербеля // Максимович М.А. Собрание сочинений. – Т.III: Языкознание. История словесности. – К., 1880. – С. 564-624.
 13. Максимович М.А. Песнь о полку Игореве: (Из лекций о Русской словесности, читанных 1835 года в Университете св. Владимира) // Максимович М.А. Собрание сочинений. – Т.III: Языкознание. История словесности. – К., 1880. – С. 498-563.
 14. Мирний Панас. Дума про військо Игореве / Панас Мирний // «Слово о плъку Игоревѣ» та його поетичні переклади і переспіви / Видання підготував Леонід Махновець. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 120-136.
 15. Народні пісні в записах Миколи Гоголя / Упор., післям. і прим. О.І.Дея. – К.: Муз. Україна, 1985. – 202 с.
 16. Осетров Е. Мир Игоревой песни: этюды / Евгений Осетров. – Москва: Современник, 1977. – 255 с.
 17. Партицкий О. Темні місця в «Словѣ о плъку Игоревѣ» / Ом. Партицкий. – Львов, 1883. – 110 с.
 18. Потапенко О.І., Дмитренко М.К. та ін. Словник символів / О.І.Потапенко, М.К.Дмитренко, Г.І.Потапенко, В.В.Куйбіда, В.П.Коцур та ін. – К.: Ред. часопису «Народознавство», 1997. – 154 с.
 19. Потебня А. «Слово о полку Игореве»: текст и примечания / А.Потебня. – Воронеж, 1878. – 152 с.
 20. Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли XIX века // Слово о полку Игореве: сборник исследований и статей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С.294-319.
 21. Пушик С. Луни / Степан Пушик. – К.: Рад. письменник, 1988. – 181 с.
 22. Пушик С.Г. «Слово о полку Игореве» и славянская мифология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук» / Пушик Степан Григорьевич. – К., 1991. – 58 с. (На правах рукописи).
 23. Пушкин А.С. «Песнь о полку Игореве» // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т.6: Критика и публицистика. – С.372-378.
 24. Руданський С. Предслів'я до переспіву «Слова» («Ігор – князь сіверський») // Руданський С. Співомовки. Переклади та переспіви / Степан Руданський. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 615-624.
 25. Світличний І. У мене – тільки слово / Іван Світличний. – Харків: Фоліо, 1994. – 431.
 26. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л.Виноградова. – М.; Л., 1965, вып. 1: А-Г, 199 с.; Л., 1967, вып. 2: Д-Копье, 214 с.; Л., 1969, вып. 3: Корабль – Нынешний, 182 с.; Л., 1973, вып. 4: О – П, 234 с.; Л., 1978, вып. 5: Р-С, 264 с.; Л., 1984, вып. 6: Т-Я и Дополнения, 278 с.
 27. «Слово о плъку Игоревѣ» та його поетичні переклади і переспіви / Видання підготував Леонід Махновець. – К.: Наукова думка, 1967. – 523 с.
 28. Слово о полку Игореве / Перевод и комментарий А.Югова. – М.: Сов. писатель, 1945. – 194 с.
 29. Слово о полку Игореве: [сборник] / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Д.Лихачева. – Л.: Сов. писатель, 1953. – 277 с. (Биб-ка поэта. Малая серия)
 30. Слово о полку Игореве: сборник / Сост. Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, О.В.Творогов. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 496 с.
 31. Слово о полку Игоревім / Упорядкування, вступ. стаття і підготовка Л. Махновця. – К.: Дніпро, 1983. – 212 с.
 32. Слово о полку Игоревім: [збірник] / Упорядкування та примітки Олекси Мишанича. – К.: Рад. школа, 1986. – 310 с.
 33. Сулейменов О. Аз и Я // Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы / Олжас Сулейменов. – Алма-Ата: Жалын, 1990. – 592 с.
 34. Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського (з Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини і Полісся) / Упорядкування, текстологічна інтерпретація і коментарі О.І.Дея. – К.: Наукова думка, 1974. – 781 с.
 35. Франко І. Історія української літератури // Франко І. Зібр. творів: у 50 т. / Іван Франко – К.: Наук. думка, 1983. – Т.40: Літературно-критичні праці. – С.5-370.
 36. Шевченко Т.Г. Плач Ярославни // Шевченко Т.Г. Повне зібр. творів: у 6 т. / Тарас Шевченко. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – Т. 2. – С.387-388.

Сенько Іван Михайлович – кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри російської літератури УжНУ.